

ГЛАВА 1

Одесса, 1919 год

*Ночная Дерibasовская. Странная записка.
Разговор с редактором. Первое убийство*

Ярко освещенные окна редакции бросали отблеск на булыжники Дерibasовской, словно отполированные прошедшим дождем. Стоя напротив бывшей гостиницы — красивого старинного дома, где теперь располагалась редакция «Одесских новостей», Володя Сосновский поймал себя на мысли о том, что не может отвести глаз от этих гладких булыжников, от луж, от дома, от всей улицы, впитывая это в себя так, как гурманы потягивают драгоценный напиток, смакуя каждую каплю.

Ночная Дерибасовская была прекрасна. Как артерия, перекачивающая тонны крови, она билась в такт многочисленным, быстрым пульсам южного портового города, который, казалось, никогда не спал. И несмотря на поздний час, здесь было множество гуляющих. Как на самой настоящей демонстрации, — подумалось Володе.

Он вдруг поймал себя на мысли о том, что Дерибасовская — это артерия и его жизни. Эта неповторимая улица как вирус проникла в его кровь и осталась в ней навсегда — став, впрочем, как и вся Одесса, неотъемлемой его частью. Этот город полностью захватил его мысли, его душу и пророс в его личную историю своими корнями. Володя даже усмехнулся про себя: похоже, он полюбил Одессу так же остро, сладостно и страстно, как влюбляются в женщину.

В эту теплую южную ночь самого начала мая Сосновский случайно оказался на залитой только что прошедшим дождем Дерибасовской. Несколько дней назад большевики с шумом отпраздновали новый праздник 1 мая. По всей улице шли колонны с яркими транспарантами и красными флагами, и из окрестных домов выходили уже привычные ко всему одесситы, чтобы «за это посмотреть». Володя скептически относился к подобным торжествам. Но жизненный опыт уже научил его держать мысли при себе. А потому он бодро, держа ярко разукрашенный транспарант, шагал в одной из колонн

рядом с Антоном Краснопёровым, своим главным редактором.

Наблюдая за собой словно со стороны, Володя фиксировал беспощадным внутренним взором всю нелепость происходящего. Он казался себе смешным — но, конечно, не подавал и виду, помня о своем будущем. Опыт газетного репортера, работавшего в самые трудные годы, заставлял его отмечать каменные лица чекистов, наблюдавших за колонной: достаточно ли радуются, проявляют ли необходимые чувства, не смеется ли кто... Эти чугунные морды немного напрягали, но, в общем, было довольно весело — особенно потом, когда на склонах над морем, за бывшим Николаевским бульваром, переименованным в Приморский, сотрудники редакции устроили веселый пикник.

Новое название бульвара нравилось Володе намного больше. Он так и сказал изрядно выпившему сладкого бессарабского вина Краснопёрову, добавив, что хотел бы обязательно с ним поговорить.

— Да зайдешь ко мне на днях, делов-то! — пожал плечами жизнерадостный Краснопёров. — Не делай себе беременную голову и не тошни мне на нервы! Подумаешь, за делов! За цей гембель не стоит и простужаться!

Выпив, Краснопёров перешел на родную одесскую речь, чего никогда не позволял себе в стенах редакции. Редактор, так же, как и Володя, прекрасно знал

о том, что большевики невзлюбили коренной язык одесситов и повсеместно стараются его искоренять.

Сосновский тяжело вздохнул. Вот уже несколько дней он буквально гонялся за Краснопёровым, которого как главного редактора самой крупной газеты в городе постоянно таскали на разные комитеты, совещания и заседания. Особенно свирепствовали Комитет по цензуре и Ревком, устраивая заседания-проверки по несколько раз на день и заставляя являться на них не только Краснопёрова, но и многих сотрудников редакции.

Дело Володи было безотлагательно важным. Настолько важным, что он больше не мог терпеть. Он едва не утащил Краснопёрова в сторону на том самом пикнике — для срочного обсуждения своего вопроса. Но редактор, с раскрасневшимся лицом и расстегнутым воротничком косоворотки, так лихо горланил новую революционную песню, что Володя сразу погрузнел, понимая, что говорить с ним в таком состоянии бесполезно. Красного сладкого вина выпито столько, что Краснопёров все равно ничего не поймет.

Праздник продолжался, и в городе были объявлены трехдневные выходные, что совершенно не касалось сотрудников редакции, так как газета должна была выходить каждый день. А после них Краснопёров снова стал неуловимым ответственным работником, который из всех кабинетов «вышел буквально пять минут назад».